А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы! [2]

Это последнее стихотворение Державина, написанное старческой дрожащей рукой, тем и показательно, что образ «реки времен», как и водопада, является эмблемой не только судьбы, скоротечности всего существующего, но и эмблемой вечного движения. Поэт неровный, но огромного и неподражаемого дарования, тончайший лирик, живописец, громозвучный оратор, энергичный и мужественный стихотворец.

Советские ученые много сделали, чтобы русская литература XVIII в. была изучена в разных аспектах, чтобы не были забыты демократические писатели.

Нужно было накопить огромный жизненный материал, а главное вникнуть в существо социальных противоречий, угадать дух самой истории, прежде всего народных движений, чтобы отказаться от привычных рационалистических схем и перейти к сложным построениям, к созданию концепции революционно развивающейся действительности. Это удалось в то время одному Радищеву. Только ему. Крестьянские восстания, несмотря на свой трагизм, подрывали авторитет самодержавной власти и способствовали возникновению просветительских и революционных идей в литературе и публицистике.

Изучение просветительства второй половины XVIII в. и его связей с национальной и западноевропейской историей — проблема чрезвычайно актуальная. Не случайно сейчас к ней приковано внимание историков, философов и литературоведов. Значение просветительской идеологии в формировании передовых взглядов и убеждений русских писателей XVIII в. не вызывает сомнений.[3]

Заслуга советских ученых последнего времени состоит именно в том, что они литературу XVIII в. рассматривают в широких связях с философией и эстетикой западноевропейского Просвещения. Однако едва ли можно завоевания русских

[2] Там же, стр. 360.

[3] Нельзя только слишком бурно приветствовать массовое отлучение писателей XVIII в. от господствовавшей дворянской идеологии. Как будто многие из них не слагали в честь Екатерины II хвалебных од и гимнов, сознательно не проповедовали теорию дворянского абсолютизма? Мы иногда в политических проектах (довольно умеренных, например князя Щербатова) и в замысловатых дидактических иносказаниях (тоже политически умеренных) вычитываем и то, что в них отсутствует. В результате легенда о полном одиночестве Радищева преодолевается, но преодолевается порой с помощью сомнительных его идейных союзников.